

представлялся нам в начале «перестройки». Причем мифы прошлого о развитом социализме, о преимуществах социалистической системы над капиталистической, о нерушимой дружбе народов СССР и т. п. опровергаются и разоблачаются у нас с куда большей решительностью и бескомпромиссностью, чем мифы, рожденные на почве перестроечной и постперестроечной реальности. Таковы, например, миф о рынке как панаее от всех бед, новом «светлом будущем» миф о явлениях и процессах, именуемых демократическими, которые мало что имеют общего с подлинной демократией, а лишь дискредитируют само это понятие; миф о массовом стремлении к национальному суверенитету и государственной независимости народов бывшего СССР, за которым нередко кроются корыстные интересы националистических амбициозных сил, стремящихся к самсизоляции, сепаратизму, этноцентризму; миф о различного рода «народных» фронтах, движениях, партиях, присваивающих себе это высокое наименование вопреки воле и интересам народа и т. д. Критический анализ подобного рода мифов небезопасен, потому что затрагивает интересы ныне здравствующих и, что немаловажно, властвующих их сочинителей, носителей и распространителей. Он требует гражданского мужества. Многие ли наши ученые им обладают?

Бесспорно, что освобождение от идеологического диктата является важнейшим условием творческого поиска в интересах развития гуманитарных наук, но вряд ли правомерно утверждать, что эти науки, во всяком случае некоторые их направления, должны и могут быть полностью деидеологизированы и деполитизированы. Они всегда выражали и выражают чьи-то интересы, важно только, чтобы эти интересы не мешали проводить объективные научные исследования. Нельзя поэтому свернуть изучение проблематики, которая в недавнем прошлом считалась у нас самой престижной и приоритетной: социалистические идеи были и остаются существующей реальностью. Вряд ли следует уподобляться сегодня тем нашим идеологическим наставникам, кто в свое время накладывал запрет на занятие религиозной идеологией, буржуазной культурой, российской культурой в эмиграции и т. д., т.е. всем тем, что надо было лишь отвергать, клеймить, разоблачать и т. д., чем так активно и занимались пользовавшиеся у нас особой поддержкой «борцы» против буржуазной советологии, империалистической идеологии, критики идеализма, теории социалистического реализма и т. п.

Некоторые наши обществоведы в годы «перестройки» из самых ревностных и последовательных сторонников марксистско-ленинской теории быстро «перестроились», превратившись в самых ее яростных критиков и опровергателей, как бы забыв о том, что они утверждали и так активно отстаивали совсем недавно. Могут ли вызвать доверие и уважение работы такого рода ученых? Пока что мы очень мало слышим, что кто-то из них, прежде чем утверждать новые идеи, хотя бы упомянул о своих прежних пристрастиях и научных взглядах, которые так ревностно отстаивал.

В атмосфере всего того противоестественного, алогичного, абсурдного, в которой мы живем, ученым далеко не просто проанализировать нашу действительность и предложить какие-то реальные пути преодоления кризиса. Может ли лоцман, каким бы он опытным ни был, без навигационной карты, в незнакомых водах, на ощупь, минуя все мели и рифы, довести корабль до заданной цели, да еще в обстановке, когда капитан и его помощники постоянно вмешиваются в его работу, не слушают его советов и предостережений?

Становление РАН происходит сегодня в условиях чрезвычайно обострившейся обстановки в стране, мучительных поисков новых жизненных ориентиров и ценностей. В то время как во всем мире набирают силы интеграционные процессы, у нас движение идет в обратном направлении, доминируют центробежные силы. Ничто не может быть более губительным для науки, чем сепаратизм, замкнутость, обособленность. Нельзя растащить науку по национальным квартирам, она экстерриториальна. Ее будущее я вижу в сохранении и развитии сотрудничества ученых всех независимых государств Содружества, всех национальных образо-